

**ОТЧУЖДЕНИЕ ТРУДА И ПРЕСТИЖНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ
В «ОБЩЕСТВЕ СПЕКТАКЛЯ» ГИ ДЕБОРА
С. Б. Бахитов**

**ALIENATION OF LABOUR AND CONSPICUOUS CONSUMPTION
IN GUY DEBORD'S "THE SOCIETY OF THE SPECTACLE"
S. B. Bakhitov**

В статье рассматривается использование марксистской концепции отчуждения в «Обществе спектакля» Ги Дебора для описания ситуации, возникшей в XX веке, когда появились новые формы отчуждения, основанные на навязывании престижных потребностей. Именно консьюмеризм становится важнейшей опорой существующего порядка. Ги Дебор считает, что общество потребления можно одновременно описать и как общество спектакля, который стал тотальным. Концепция Ги Дебора рассматривается в контексте предшествовавшей и последующей историографии: работ Т. Веблена, Г. Маркузе, Э. Фромма.

The paper focuses on the use of the Marxist theory of alienation in Guy Debord's "The Society of the Spectacle" for describing the conditions of work and life in the 20th century. In Marxist theory, alienation in the capitalist society manifested itself in the increasing of poverty, while in Debord's theory alienation was based on promoting conspicuous needs. It was consumerism that became the new form of alienation. Guy Debord considered the new society of consumerism to be "the society of the spectacle", which became total. Debord's theory is discussed in the context of T. Veblen's, H. Marcuse's and E. Fromm's works.

Ключевые слова: отчуждение, престижные потребности, консьюмеризм, социальный характер, общество спектакля.

Keywords: alienation, conspicuous needs, consumerism, social character, society of the spectacle.

Сегодня отнесение России к полупериферии капиталистической мир-системы уже можно считать общим местом. По мнению И. Валлерстайна, роль полупериферии заключается в том, чтобы стабилизировать мир-экономику, сделать ее функционирование более плавным [2, с. 41]. Россия стала полупериферией западного мира-экономики еще в XVIII в. и сохранила этот статус после (а во многом – благодаря) революции 1917 г., сталинской модернизации и победы во Второй Мировой войне. Остается Россия таковой и сегодня, что определяет основные особенности ее развития. Полупериферия всегда имеет свои внутренние передовые и отсталые зоны, различие между которыми резко возрастает в период модернизации, осуществляемой за счет заимствований технологий из стран ядра и усиления эксплуатации ресурсов глубинки. При этом в наиболее выгодном положении оказываются те города, регионы и социальные слои, которые обслуживают интересы элиты ядра мира – экономики [3]. В этих условиях поставленная еще в XIX в. К. Марксом проблема отчуждения труда может приобретать в разных регионах и социальных группах различный вид: от использования внеэкономического принуждения при эксплуатации полурабского труда нелегальных иммигрантов до навязывания искусственных потребностей престижного потребления «благотолучным» слоям наемных работников. Это заставляет нас все пристальнее всматриваться в западные работы, посвященные отчуждению труда, слишком много возникает явных параллелей.

Проблема отчуждения труда, впервые поставленная Г.-В. Ф. Гегелем, приобретает особое значение у молодого К. Маркса. В условиях капитализма деятельностное саморазвитие, по мнению К. Маркса, превращается в свою противоположность – в самоот-

чуждение: «Деятельность выступает здесь как страдание, сила – как бессилие, зачатие – как оскопление, собственная физическая и духовная энергия рабочего, его личная жизнь (ибо что такое жизнь, если она не есть деятельность?) – как повернутая против него самого, от него не зависящая, ему не принадлежащая деятельность. Это и есть самоотчуждение...» [7, с. 91]. Важнейшим элементом отчуждения становится разделение труда в условиях промышленной революции: «По мере развития этого разделения труда, с одной стороны, и накопления капиталов, с другой, рабочий все в большей и большей степени попадает в полную зависимость от работы, и притом от определенной, весьма односторонней, машинообразной работы. Наряду с духовным и физическим принижением его до роли машины, с превращением человека в абстрактную деятельность и в желудок, он попадает все в большую и большую зависимость от всех колебаний рыночной цены, от применения капиталов и прихоти богачей» [7, с. 50].

Экономическо-философские рукописи (Парижские рукописи) писались в 1844 г., когда промышленная революция в континентальной Европе еще только начиналась, неся обнищание большей части рабочего класса и разорение массы ремесленников. Но с середины XIX в. ситуация меняется, сначала в Англии, а затем и в других наиболее промышленно развитых странах Запада заработная плата (в норме) начинает расти быстрее, чем цены [1, с. 673 – 678]. Как пишет отечественный историк-марксист Ю. И. Семенов: «Уже во второй половине XIX в. небольшая часть рабочих стала обеспеченными людьми. Она получила название рабочей аристократии. Во второй половине XX в. понятие рабочей аристократии исчезло, ибо обеспеченного положения добилось большинство ра-

бочего класса. Рабочий класс ортокапиталистических стран в большинстве своем перестал быть пролетариатом в буквальном смысле этого слова, что привело к потере им революционности» [10, с. 516].

Но исчезло ли отчуждение? Положение рабочих сблизилось с положением служащих и интеллигенции, но все они вместе оказались под контролем капиталистической и государственной бюрократии, что, думается, позволяет нам говорить о новом классе пролетариата, выделяемом именно по признаку отчуждения труда. В стимулировании к труду и контроле за поведением во внерабочее время этого нового класса все большую роль начинают играть СМИ, особенно реклама, создающая новые искусственные потребности престижного типа во имя сохранения капитализма [10, с. 516].

Одним из первых новую ситуацию отчуждения попытался осмыслить германо-американский психоаналитик Герберт Маркузе, оказавший значительное влияние на бунтующую молодежь Запада в конце 1960-х годов. По мнению Б. Ю. Кагарлицкого, антибуржуазный молодежный протест 1960-х годов можно понять, только учитывая важные изменения в странах Запада после 1945 года. Среди них образовательная революция, предоставившая высшее образование значительной части молодежи, но одновременно породившая проблему перепроизводства интеллектуалов. Следует учесть также, что новое поколение, не прошедшее войны, не видело ничего выдающегося в комфортных условиях жизни. «Новые левые» выступили и против буржуазии, и против «старых левых». Западное общество воспринималось ими как тотально коррумпированное, подчиненное логике потребления и лишаящего человека возможности самореализации производства [6, с. 114 – 125]. Кумиром этой молодежи и стал Г. Маркузе, писавший, что современная элита правит путем манипулирования сознанием и бессознательным, стимулирования избыточного производства и потребления, навязывания ложных потребностей [8, с. 270 – 275].

Надо заметить, что Г. Маркузе был не первым, кто обратился к проблеме потребления как средства контроля элиты над обществом. Впервые эта проблема была поставлена основателем американского институционализма Торстейном Вебленом в работе «Теория праздного класса». Этот класс, согласно Т. Веблену, появляется в эпоху варварства вместе с частной собственностью и рабством [4, с. 73 – 77]. С переходом к эпохе варварства доблестная деятельность все более связывается с захватом чужого имущества и рабов [4, с. 68]. В конечном счете, для высшего класса становится обязательным воздержание от производительного труда [4, с. 84]. С развитием праздного класса формируется и его демонстративное потребление [4, с. 109]. В современном Т. Веблену капиталистическом обществе (работа была написана в 1899 г.) бизнесмен вынужден заниматься производственной деятельностью, а праздность и потребление переключаются на его жену. С развитием экономики и урбанизации значение показной праздности падает, а показного потребления – растет вместе с увеличением числа социальных контактов индивида и подвижности населения [4, с. 118 – 123]. Требования

показного потребления распространяются на большую часть общества. Увеличение доходов ведет к увеличению демонстративных расходов под угрозой обвинения в скупости [4, с. 134 – 135]. В результате завистнического соперничества, когда возрастающая эффективность производства позволяет уменьшить затраты труда, они не уменьшаются, усилия направляются на достижение более высокого уровня демонстративного потребления, который вполне может соседствовать со сравнительной убогостью повседневной жизни. Отсюда, кстати, проистекает стремление скрыть эту жизнь от посторонних. С потребностями престижного потребления Т. Веблен связывает и низкий уровень рождаемости в тех социальных слоях, для которых престижные расходы особенно настоятельны, например, среди ученых, вынужденных контактировать с представителями более богатых классов [4, с. 140 – 142].

Согласно Г. Маркузе, всеобщая механизация труда открывает возможность новой человеческой действительности – а именно, жизни в свободное время на основе удовлетворения первостепенных потребностей. Отказ от прибыльной расточительности и контроль рождаемости увеличили бы общественное богатство, предназначенное для распределения, а конец перманентной мобилизации сократил бы общественную потребность в отказе от удовлетворения индивидуальных потребностей. Новую социальную силу, способную изменить мир, Г. Маркузе видит в аутсайдерах, остающихся за бортом демократического процесса [8, с. 483 – 514].

Идеи Герберта Маркузе нашли наибольший отклик у молодежи, еще несвязанной социальными обязательствами, особенно у студентов, став идеологической основой студенческих выступлений 1968 года. Позднее, как отмечает Б. Ю. Кагарлицкий, сам Маркузе в книге «Контрреволюция и бунт» пересмотрел свои взгляды, придя к выводу, что молодежный протест в одиночестве бессилен, он должен запустить большой мотор рабочей революции [6, с. 139 – 140].

После 1968 года, однако на Западе происходит затухание революционного импульса. Герои прошлого либо умерли, либо перестали вызывать уважение. Причина этого, согласно Б. Ю. Кагарлицкому, заключается в мир-системном характере современного капитализма. «Рабочая аристократия» Запада боялась потерять свое потребительское благополучие. И хотя далеко не все западные трудящиеся относились к «рабочей аристократии», в целом господствовала идеология потребления. Часть бывших бунтарей превратилась в новых бюрократов. Что касается рядовой интеллигенции, то в ее поправении, видимо, сказалось осознание того факта, что возможности роста общества потребления ограничены ресурсной базой. Если все будут потреблять на уровне граждан США, наступит экологическая катастрофа [6, с. 199 – 214].

После 1968 г. наиболее серьезным исследованием проблемы капиталистического отчуждения в рамках психоанализа стала работа Эриха Фромма «Иметь или Быть» (1976 г.). Основой соединения марксизма и психоанализа для Э. Фромма выступает социальный характер, являющийся результатом взаимодействия между индивидуальной психикой и социально-

экономической формацией [11, с. 507]. Современный ему социальный характер западного человека Э. Фромм называет «рыночной личностью», подчеркивая, что человек этого типа самого себя воспринимает как товар, видит свою ценность не в своей «потребительской», а в «меновой стоимости» [11, с. 521]. Самооценка индивида прямо зависит от его меновой ценности, что ориентирует его в первую очередь на выгодное позиционирование своей персоны. В результате человек этого типа не имеет своего эго, каким располагал любой индивид в XIX веке. Члены общества превратились в безликие инструменты, их главная ценность теперь – в причастности к огромному концерну или другой бюрократической машине. Рыночная личность не умеет любить или ненавидеть, т. к. эти чувства мешают ей функционировать в алгоритме «мегамашины». Она ничего не принимает близко к сердцу в силу поверхностности оценок себя и других. Единственный вопрос, который она себе задает: достаточно ли хорошо я работаю, чтобы делать карьеру? В вещах для нее важны мода, престиж и комфорт. При этом сменить можно все: одежду, мебель, друзей, жен, любовниц, партнеров по бизнесу. Разум заменяется манипулятивным интеллектом (инструментальным мышлением). На языке психиатров такой тип называют шизоидным [11, с. 522 – 525]. Таким образом, рыночная личность – это предельный результат отчуждения труда, говоря словами К. Маркса, отчужденная личность [11, с. 525].

Новый человек, по Э. Фромму, должен быть готов отказаться от всех форм обладания в пользу бытия, быть уверенным в собственных силах и активным, внимательным к людям и сосредоточенным, должен уметь радоваться возможности служить людям и любить жизнь во всех ее проявлениях, развивать в себе способность жить без идолопоклонства, способность к критическому мышлению, к преодолению собственного нарциссизма, к познанию себя, уметь быть счастливым [11, с. 543 – 545]. Новому человеку должно соответствовать новое общество, сочетающее планирование в экономике с высокой степенью децентрализации, ориентированное не на бесконечный экономический рост, а на избирательное развитие отдельных областей, мотивирующее к труду не на основе материальной выгоды, а на основе удовлетворенности работой, исключающее возможность использования научных исследований во вред человечеству, обеспечивающее человеку счастье и избавляющее его от погони за «наслаждениями», создающее гарантии индивидуальной безопасности граждан и их независимости от бюрократической машины, формирующее условия для «личной инициативы» граждан во всех сферах жизни [11, с. 546 – 547]. Некоторые предложения Э. Фромма позднее были частично реализованы на Западе благодаря массовым альтернативным движениям, большинство же остались благими пожеланиями. Решить проблемы, выделенные Э. Фроммом, без решения вопросов о собственности и власти оказалось невозможно.

В одном ряду с Г. Маркузе и Э. Фроммом стоял и молодой французский философ Ги Эрнест Дебор, опубликовавший в 1967 г. (ему самому тогда было 36 лет) свою знаменитую работу «Общество спектак-

ля». Ги Дебора, известного как создателя Ситуационистского Интернационала, призванного пропагандировать «сюр-революционное» искусство и «антикультурную» деятельность, обычно относят к постмодернистам [8, с. 111]. Однако, на наш взгляд, как раз наиболее известная его работа – «Общество спектакля», представляет собой случай последовательного марксистского подхода, даже более последовательно, чем у Г. Маркузе и Э. Фромма.

Предметом исследования Ги Дебора является, прежде всего, современное ему общество престижного потребления. «Общество спектакля» имеет оригинальную структуру, работа разбита на 221 тезис, что напоминает «Тезисы о Фейербахе» К. Маркса. Уже в тезисе 6 Ги Дебор пишет о том, что современное общество спектакля является производным от развития способа производства: «Спектакль, взятый в своей тотальности, есть одновременно и результат, и проект существующего способа производства» [5, с. 13]. В тезисе 14 он продолжает развивать эту мысль: «Общество, базирующееся на современной индустрии, не является зрелищным случайно или поверхностно – в самой своей основе оно является зрелищным. В спектакле – этом образе господствующей экономики, цель есть ничто, развитие – все» [5, с. 14]. Фактически для Ги Дебора общество спектакля есть общество престижного потребления. Словно предвосхищая название работы Э. Фромма, он пишет (тезис 17): «Первая фаза господства экономики над общественной жизнью в отношении определения любого человеческого творения повлекла за собой очевидное вырождение быть в иметь. Настоящая фаза тотального захвата общественной жизни накопленными плодами экономики ведет к повсеместному сползанию иметь в казаться, из которого всякое действительное «иметь» должно получать свое высшее назначение и свой непосредственный престиж» [5, с. 15].

В новых условиях увеличение времени досуга (к которому, например, призывал Г. Маркузе) уже не ведет к освобождению от отчуждения (тезис 27): «Невозможна свобода вне деятельности, но в рамках спектакля всякая деятельность отрицается, равно как и реальная деятельность оказывается полностью захваченной ради повсеместного достижения подобного результата. Таким образом, современное «освобождение труда», увеличение досуга никоим образом не является освобождением в труде, как и освобождением созданного этим трудом мира» [5, с. 17]. Экономика основана на циклическом воспроизводстве разобщения, спектакль воссоединяет разделенное, но именно в качестве разделенного (тезисы 28 и 29) [5, с. 17 – 18]. Отчуждение становится все более тотальным (тезис 40): «Та псевдоприрода, в которую был отчужден труд человека, требует до бесконечности продолжать ее обслуживание, и это обслуживание, которое оценивается и оправдывается только им самим, на самом деле получает в качестве своих служителей всю тотальность общественно узаконенных проектов и усилий» [5, с. 20].

При этом новая система отношений постепенно распространяется на всю планету, в самых мало индустриальных уголках, которой появляются престижные товары-звезды и зоны, лидирующие в развитии про-

изводительности, отчужденное потребление становится обязанностью масс, дополнительной по отношению к отчужденному производству (тезис 42) [5, с. 20]. Непрерывная фабрикация псевдо-потребностей становится необходимым элементом экономики (тезис 51) [5, с. 22]. Экономическое господство срастается с идеологическим (тезис 57): «Общество-носитель спектакля господствует над слаборазвитыми регионами не только посредством экономической гегемонии. Оно господствует над ними и в качестве общества спектакля. Там, где для этого пока отсутствует материальное основание, современное общество зрительно уже заполнило социальную поверхность каждого континента. Оно определяет программу правящего класса и направляет его формирование. Подобно тому, как оно представляет псевдо-блага, которые следует вождель, оно также предлагает местным революционерам и фальшивые модели революции» [5, с. 24].

Помимо товаров-звезд фабрикуются такие же фальшивые люди-звезды. Удел такой звезды – зрительная компенсация за дробление проживаемых в действительности производительных специализаций (тезис 60) [5, с. 25]. При этом такой человек должен быть по сути антииндивидуален (тезис 61): «Перейдя в спектакль как модель идентификации, он отказывается от всякого автономного качества ради того, чтобы отождествить самого себя с общим законом подчинения ходу вещей» [5, с. 25].

Не выпадает из этой системы, по мнению Ги Дебора, и СССР, где партия большевиков после захвата власти стала партией собственников пролетариата (тезис 102) [5, с. 39]. Более того, советская модель, с точки зрения Ги Дебора, стала ухудшенным эрзацем западной (тезис 104): «Тотальная бюрократия является не «последним классом собственников» в истории, в смысле Бруно Риччи, а только эрзацем господствующего класса рыночной экономики. Отсутствующая капиталистическая частная собственность замещается менее дифференцированным упрощенным субпродуктом, сосредоточенным в коллективной собственности бюрократического класса» [5, с. 40]. Кстати, с подобным утверждением отчасти согласны и некоторые отечественные марксисты. Так, например, Ю. И. Семенов считает, что в результате революции 1917 г. и последующей гражданской войны в России утвердился не коммунистический, а неополитарный способ производства, другое дело, что его утверждение было, во-первых, вынужденным, во-вторых, прогрессивным для России явлением [10, с. 500 – 506].

Главной революционной силой современного мира Ги Дебор продолжает считать видоизменившийся пролетариат (тезис 114): «Этот пролетариат объективно усиливается как продолжающимся исчезновением крестьянства, так и распространением логики заводского труда, переносимой на значительную часть «сферы услуг» и интеллектуальных профессий. Субъективно этот пролетариат еще отдален от его практического классового сознания, и не только в среде служащих, но и в среде рабочих, еще только открывающих беспомощность и мистификации старой политики» [5, с. 45]. Но объективно он, согласно Ги

Дебору, по-прежнему остается самым революционным классом: «Никакое количественное послабление его нищеты, никакие иллюзии иерархической интеграции не являются радикальным средством от его неудовлетворенности, ибо пролетариат поистине не может признать ни частную несправедливость, которую он когда-либо претерпел, ни, следовательно, возмещение какой-либо частной несправедливости, ни огромное число этих несправедливостей, но только несправедливость абсолютную – быть отброшенным на обочину жизни» [5, с. 45]. В новых условиях начинается новая борьба «за разрушение машин дозволенного потребления» (тезис 115) [5, с. 46]. Целью этой борьбы, по Ги Дебору, должна стать власть Советов трудящихся в международном масштабе, отрицающая зрелищное отрицание жизни (тезис 117) [5, с. 46]. Именно действительный характер теории является тем, что в наибольшей степени привлекает Ги Дебора в Марксе (тезис 81): «Рациональное понимание реально действующих в обществе сил тесно связывает теорию Маркса с научной мыслью. Но в своей основе она находится по ту сторону научной мысли, и последняя сохраняется в ней, только будучи преодоленной, ибо дело идет о понимании борьбы, а ни в коем случае не закона. «Мы знаем только одну науку – науку истории», – говорит «Немецкая идеология»» [5, с. 31].

Данная марксистская позиция распространяется Ги Дебором и на исследование культуры. Так, говоря о современном восприятии времени, он замечает, что буржуазия навязала обществу необратимое историческое время, но отказало обществу в его использовании, так как это время обнаруживало и ее конечность (тезис 143) [5, с. 54]. В результате возникло псевдоциклическое время потребления, которое «...есть время зрелищное, одновременно и как время потребления образов в строгом смысле, и как образ потребления времени во всех смыслах» (тезис 153) [5, с. 56]. В результате – эпоха постоянных праздников без праздника (тезис 154): «То, что в циклическом времени было моментом соучастия сообщества в роскошном растрачивании жизни, невозможно для общества без сообщества и без роскоши» [5, с. 56]. Псевдоциклическое потребление развитой экономики оказывается в противоречии с необратимым абстрактным временем ее производства [5, с. 57, 155]. Тот же подход мы видим и при изучении восприятия пространства, которое, по Ги Дебору, все более унифицируется капиталистическим производством, особенно благодаря урбанизму. «Урбанизм – это современное решение непрерывной задачи сохранения классовой власти, а именно – поддержание атомизации трудящихся, которых городские условия производства столь угрожающим образом собрали воедино» [5, с. 60], – пишет французский философ в тезисе 172. Подчиняется системе обезличивания и то, что, казалось бы, требует региональной индивидуализации, – туризм (тезис 168): «Субпродукт кругооборота товаров, человеческое круговращение, рассматриваемое как потребление, туризм, – сводится в своей основе к единственному развлечению: поехать и посмотреть то, что уже стало банальным» [5, с. 59]. Пожалуй, только в отношении истории искусства Ги Дебор демонстрирует классическую постмодернистскую позицию, когда

пишет (тезис 189): «Искусства всех цивилизаций и эпох в первый раз могут быть поняты и приняты все вместе. Это «собрание воспоминаний» истории искусства, становясь возможным, также является концом мира искусства» [5, с. 65].

Но наиболее марксистки, вероятно, звучит последний 221-й тезис книги Ги Дебора: «Избавиться от материальных оснований обращенной истины – вот в чем состоит самоосвобождение нашей эпохи. Эту «историческую миссию восстановления истины в мире» не могут выполнить ни изолированный индивид, ни подверженная манипуляциям атомизированная толпа, но единственно класс, способный стать разрушителем всех классов, приводя всякую власть к не отчуждающей форме осуществленной демократии, к Совету, в котором практическая теория контролирует сама себя и видит собственное действие» [5, с. 73]. Думается, сам Маркс подписался бы под такими словами.

При сравнении рассмотренных выше концепций бросается в глаза различие между Т. Вебленом, с одной стороны, и Маркузе, Фроммом, Ги Дебором – с другой. Веблен просто описывает престижное по-

требление, Маркузе, Фромм и Ги Дебор стремятся изменить его. И в этом, видимо, заключается главное значение марксистской составляющей их концепций. Конечно, престижное потребление значительно старше капиталистического способа производства (здесь прав Т. Веблен) и вряд ли исчезнет вместе с ним. Но его роль в обществе исторична, она зависит от развития способа производства, а, следовательно – поддается изменению. И. Валлерстайн, говоря о будущем капиталистической мир-системы, предрекает ей в ближайшие 40 – 50 лет острый моральный и институциональный кризис [2, с. 184]. Что касается роли интеллигенции в этих условиях, то, как он пишет: «Сегодня и на следующие 50 лет наша задача состоит в построении утопий. Это задача измышлять этот новый общественный строй и бороться за его сотворение. Ведь никоим образом не гарантировано, что конец неэгалитарной исторической системы приведет к появлению лучшей» [2, с. 185 – 186]. Но, думается, задача заключается не только и не столько в создании утопий, сколько в соединении теории и практической деятельности, что и является отличительной чертой учения Маркса.

Литература

1. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв. – Т. 3: Время мира / Ф. Бродель; пер. с фр. Л. Е. Куббеля. – 2-е изд. – М.: Весь Мир, 2007. – 752 с.
2. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн; пер. с англ. П. М. Кудюкина; под общ. ред. канд. полит. наук Б. Ю. Кагарлицкого. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 416 с.
3. Валлерстайн, И. Россия и капиталистический мир-экономика 1500 – 2010 / И. Валлерстайн // Свободная мысль. – 1996. – № 5. – С. 30 – 42.
4. Веблен, Т. Теория праздного класса / Т. Веблен; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1984. – 367 с.
5. Дебор, Г. Общество спектакля / Г. Дебор; пер. с фр. С. Офертаса и М. Якубович. – М.: Логос, 1999. – 224 с.
6. Кагарлицкий, Б. Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения / Б. Ю. Кагарлицкий. – М.: Алгоритм: Эксмо, 2005. – 480 с.
7. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – Т. 42.
8. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе; пер. с англ., послесл., примеч. А. А. Юдина; сост., предисл. В. Ю. Кузнецова. – М.: АСТ, 2003. – 526 [2] с.
9. Новейший философский словарь. Постмодернизм / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. – Мн.: Современный литератор, 2007. – 816 с.
10. Семенов, Ю. И. Философия истории (общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней) / Ю. И. Семенов. – М.: Современные тетради, 2003. – 776 с.
11. Фромм, Э. Человек для себя. Революция надежды. Иметь или Быть: пер. с англ. и нем. / Э. Фромм. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2007. – 602, [6] с.

Информация об авторе:

Бахитов Станислав Борисович – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин СурГПУ, 89678835024, baxitova@mail.ru.

Stanislav B. Bakhitov – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Social Studies and Arts, Surgut State Pedagogical University.